Ни разу ему в голову не закрадывалась мысль, что она может отличаться от него происхождением. Не подумал, что может быть нечистокровной. Но теперь, после вранья о Шармбатоне, он присматривался. Пытался понять, что ещё упустил.

— Хочешь истину? — риторически, — не было ни Шармбатона, ни домашнего обучения. Только мой отец, который всему меня учил. Я не говорила правды, потому что это всех устраивало. Твоих родителей в том числе, раз ты так этого и не узнал.

Драко молчал. Он чувствовал её взгляд на себе, но злился. Злился, что выглядел идиотом, хотя это она соврала. И тут же одернул себя — что за детский сад, Малфой?

Он повернулся, плечом упираясь в стену. Марта была ниже его ростом и смотрела снизу вверх, но тем не менее складывалось ощущение, что это нисколько ее не заботит. Что это он смотрит снизу вверх. Что она выше. При этом совсем не выпячивает своего превосходства. Она… просто такая. И в этом что-то есть.

— Засмотрелась? — с ухмылкой спросил Драко. Марта закатила глаза, вновь отворачиваясь к окну.

Блять, стой.

Достала вторую сигарету. Интересно, какая это по счету за сегодня?

— Хочешь спросить, почему тогда я здесь?

Она прикурила от палочки, и Малфой подумал, что и здесь она хитрит. Ведь он сам не раз видел, как она творила огонь, прекрасно обходясь без нее.

А по поводу вопроса — нет, он не это спросить хотел. Но все же:

— Дерзай, — кинул, протягивая руку к пачке. Ловя её удивленный взгляд и ухмыляясь.

— Делись игрушками, де Веллер.

Марта поджала губы, пытаясь подавить улыбку. Боже, как ей нравились его отсылки. Она ведь и маленьким его помнила.

Драко проследил за тем, как прорисовались её ямочки, и сам потянул уголок губы вверх. Она не глядя сунула ему в руки целую пачку, едва коснувшись его ладони пальцами.

Он, зеркаля ее позу, склонился над подоконником.

— Прикуришь?

— У тебя же есть палочка, Малфой.

— Мне интересно, как ты это делаешь.

Марта сдвинула брови к переносице. Да, да, ты все правильно поняла, де Веллер. Она затянулась сигаретой, опуская глаза, с выдохом встала ровнее, посмотрев прямо. Он наблюдал, как из ее рта кольцами выходит дым, видел её замешательство. Следил глазами.

Секунда, и огонек вспыхнул на кончике его сигареты.

Он медленно затянулся и с выдохом, поворачиваясь, чтобы не в нее, а в окно:

— Браво, — просто сказал Драко, — к истории, де Веллер.

Малфой был доволен. Смотрел на внутренний двор Хогвартса, но внимание было обращено в другую сторону. На нее.

Он слышал, как она выдохнула, выпуская дым, вновь качнула пальцами, стряхивая пепел.

— Расскажу при условии, что твоё отношение ко мне не изменится, — негромко сказала Марта, и Малфой приподнял брови, тем не менее больше никак не выдав своего удивления. Молчал, ожидая продолжения. Затянулся ещё.

— Я не получала письмо в Хогвартс, потому что к одиннадцати так и не научилась колдовать. Отец был не согласен с этим и придумал свой метод.

Круциатус. Малфой не представлял, каким мудилой нужно быть, чтобы пытать собственную дочь Непростительным. Люциус никогда даже не бил его. Интересно, почему об этом никто не сообщил в Министерство? И как его родители позволили себе торговать с де Веллером? Они были в курсе? Покрывали его? Малфой внутренне содрогнулся от этой мысли.

— Однажды все вышло из-под контроля. Было слушание в Министерстве, и меня определили сюда.

— Ты про пожар? — уточнил он, хмурясь. Ждал ответа, но Марта молчала. Тогда он повернулся, надеясь встретить её взгляд, но она отстраненно смотрела в окно, словно не замечая его.

Время текло медленно. Сигарета в руках тлела, пепел осыпался на подоконник. Кажется, он

даже перестал дышать, поглощенный ею. Перед глазами — она, Драко держит её на руках. Голова запрокидывается, веки дрожат. Он до смерти напуган, не понимая, что произошло. Буквально бежит, проклиная Пэнси и бесчисленные лестницы и коридоры, пока за поворотом, наконец, не появляются двери больничного крыла. Он влетает, кричит, зовёт Помфри, а Марта уже так спокойно лежит в его объятиях, что кажется мёртвой. Драко действительно думал, что она могла умереть тогда. Потому и не пришёл навестить. Побоялся.

Картинка расплывается, и Марта снова смотрит на него. В глазах — понимание. И с этим:

— Я не ищу твоего сочувствия, Малфой. Оно мне не нужно. Не заставляй жалеть, что рассказала.

Она забирает у него дожженную до фильтра сигарету и выбрасывает в окно. Выпрямляется.

Малфой следует за ней, замирает напротив. Все же, она действительно смотрит сверху вниз. Ощущается выше. Выглядит сильнее, чем кажется. Постоянно борется, кусает, бьет, не касаясь. Чертовски гордая. И вместе с тем, почему-то, чертовски простая. Простая по отношению ко всему. Поэтому ее вопрос неожиданно злит:

— Как там Пэнси?

Серьёзно, де Веллер, хочешь сейчас поговорить о Пэнси?! Малфой разочарованно отворачивается, распаляясь. И бросает раздраженное:

— Не ебу. Абсолютно насрать, веришь, нет?

Вовремя остановить себя не удаётся. Драко сжимает челюсти, приваливаясь к стене. На автомате вытягивает из пачки вторую сигарету. Это она так действует на него? С губ просится сорваться нелепое «извини», но прежде:

— Грубость, Малфой… Идёт мужчинам только в постели.

Твою мать. Как обухом по голове. Он ошарашенно смотрит на неё, и вся злость мгновенно тухнет. Как догоревшая сигарета.

Она молчит, но Драко так и видит, как её губы повторяют, складываясь в фразу — пусть будешь ты, Малфой. Воображение услужливо рисует ее, белую, на его постели. Тоже белой. В этих блядских, чистейше-блядских белых чулках. Но это иллюзия, поскольку:

— Так говорит моя бабушка. А ты о чем подумал?

Ее губы, ее чёртовы губы, расплываются в улыбке. Он моргает, поднимаясь выше. В ее глазах

— победа. И его поражение.

Марта подхватывает свою сумку с подоконника, пока он пытается избавиться от навязчивых мыслей и приливающей крови в области паха. Подходит близко, почти вплотную.

— Ты обещал мне, — напоминает она, — без всяких сожалений.

Тянет к нему руку, и сердце делает кульбит. Касается его ладони, и Драко неосознанно движет ею, чтобы задержаться. Прочувствовать. Но Марта лишь аккуратно забирает свою пачку сигарет и покидает класс, оставляя его одного.

Блять.

Она снова ведет.

***

Гермиона обыскала все. Она обрыскала всю библиотеку в поиске информации о де Веллерах и, наверное, это был один из тех немногих моментов в ее жизни, когда она могла сказать «Я не знаю». Загадка случая Марты де Веллер занимала ее мозг день и ночь, свербя, лишая сна и нормального функционирования.

Когда Гарри попросил вернуть его список надёжных имен тех, кому он мог бы преподавать ЗОТИ, и сделал приписку карандашом в самом низу, Грейнджер заморочилась ещё больше.

Гарри указал Марту де Веллер со знаком вопроса, оставляя решение за ней.

К обдумыванию ее кандидатуры Поттера привело несколько фактов и ситуаций.

Во-первых, конечно же, история с растопырником.

Во-вторых, ее бесчисленные склоки с Амбридж, свидетелями которых были сами гриффиндорцы. Профессор явно отделяла Марту от остальных слизеринцев и питала к ней личную неприязнь.

В-третьих, странные обстоятельства ее отравления. Гарри упорно не верил, что это было случайностью. Он раз за разом присматривался к слизеринке, подмечая, как у нее складываются отношения с другими. Она часто была с Малфоем — факт. А где Малфой, там и Пэнси Паркинсон, об остервенелой ревности которой знал весь Хогвартс.

В день, когда Марта выписалась из больничного крыла и появилась на ужине, Гарри ещё раз убедился в своей правоте.

http://tl.rulate.ru/book/101458/3489380